

После того как он увидел ее вчера в городе, Лу Чэньюань не мог ее отпустить. Когда он женился впервые, Дон Цзяхуэй была еще девочкой с блестящими глазами. Она краснела и стеснялась, украдкой глядя на него. Потом, так как Дон Цзяхуэй не забеременела, его мать стала накапливать против нее все больше и больше возражений и часто указывать Цзяхуэй на то, что та не могла родить. Она говорила, что даже курицы в их хозяйстве несут яйца, а ее невестка и за курицей угнаться не может.

Таким образом, Дон Цзяхуэй стала все меньше улыбаться. Она каждый день работала от рассвета до заката. Ее кожа больше не была мягкой и белой, как тогда, когда она выходила замуж, и все грубела и темнела.

Зимой, когда дул пронизывающий до костей ветер, лицо Цзяхуэй начало страдать от обморожения. Она хотела купить баночку крема против этого, но мать Лу Чэньюаня целый месяц бранила ее за это. Она сказала, что, раз Цзяхуэй не может иметь детей, зачем бы ей так заботиться только о своем лице?

Глядя, как Цзяхуэй молча все терпит со слезами на глазах, он тоже огорчился, но не мог заставить себя дать жизнь ребенку, и это было для него слишком тяжело.

Лу Чэньюань не осмелился войти в дом семьи Дон. Слоняясь по берегу реки напротив их жилища, он заметил Чуйзи, который был сейчас на каникулах и весело играл, и поманил его к себе.

— Чуйзи, ты меня еще помнишь? Я твой дядюшка.

Лу Чэньюань вытащил из кармана пальто горсть конфет, сунул их Чуйзи и с улыбкой сказал:

— Чуйзи, ступай домой и позови сюда маленькую тетюшку, дядюшка хочет ей кое-что сказать.

Чуйзи, естественно, его помнил, но также знал, что семья дядюшки вела себя слишком жестоко. Она не хотела принимать их маленькую тетюшку, так что выгнала ту обратно домой, отчего тетюшка опечалилась и бросилась в реку, что вызвало несчастье у всех родственников.

Ему хотелось выбросить сладости, но тут его мысли изменились. Ему показалось, что конфеты можно съесть. Он мог съесть их даром. Так что он сунул их в карман.

— Ладно, просто подожди здесь.

Сказав так, Чуйзи повернулся и убежал. Он был очень умен и вообще не отправился домой, а пошел по тропинке к другому дому, чтобы поиграть со своим младшим товарищем и похвастаться конфетами, которые были у него в кармане.

Лу Чэньюань встал под ивой. Он посмотрел влево, но никто не подошел. Он посмотрел вправо,

но и там никого не было. Ему подумалось, что Дон Цзяхуэй сердится на него, так что не хочет выходить.

Когда Чэнь Гуйсян возвращалась с полей, она увидела под деревом чью-то фигуру. Чем-то эта фигура напоминала Лу Чэньюаня.

Ей подумалось, что тот не осмелился бы прибыть в их деревню.

Когда позади Лу Чэньюаня неожиданно послышались шаги, и он обернулся, так испугался, что чуть не упал в реку. Он боялся своей матери, а женившись на Дон Цзяхуэй, стал бояться и тещи, Чэнь Гуйсян. Из-за страха того, что она его обидит, он не любил приходить домой к семье Дон. Поэтому Дон Цзяхуэй нечасто возвращалась под материнскую крышу, хотя и вышла замуж за человека, жившего поблизости.

— Лу Чэньюань! Что ты делаешь у нас в деревне Даю? Ты смерти ищешь?

Лу Чэньюань хотел бы уйти, но не осмеливался. Казалось, его ноги пристыли к земле, дрожа. Он нерешительно сказал:

— Мама, я бы хотел поговорить с Цзяхуэй.

Чэнь Гуйсян расвирипела еще больше.

— «Мама»! Кто это тут твоя мама? Тебе еще хватает наглости искать Цзяхуэй! Тебе кажется, ты еще недостаточно ей навредил? Никогда бы не подумала, что ты и семья Лу настолько толстокожие.

Она взяла в руку серп, которым срезала траву, и попыталась ударить Лу Чэньюаня — он едва избежал этого удара.

— Мама, давай спокойно поговорим. Я просто пришел извиниться.

Чэнь Гуйсян не прекращала размахивать руками и хлестать серпом.

— Только попробуй назвать меня матерью снова, посмотрим, не забью ли я тебя до смерти! Я была совсем слепой, выдавая свою дочь в твою семью замуж! Неужели ты не веришь, что я не приду к вам домой и не подброшу навоз на порог так, чтобы ваша семья Лу больше никогда не смогла поднять глаза?

Лу Чэньюань отбежал и спрятался. Прежде чем уйти, он бросил взгляд на закрытую деревянную дверь дома семьи Дон.

Чэнь Гуйсян заворчала и отправилась домой. Расспросив соседей об этой истории, она за ухо притащила Чуйзи, чтобы побить его.

— Бабушка, я не хотел звать к нему тетю. Я взял конфеты и убежал.

— С чего тебе захотелось его конфет? Разве наша семья для тебя значит меньше желудка?

Чуйзи прикрыл ухо, за которое она его тянула, одной рукой, и стал оправдываться:

— Бабушка, я взял их просто так. Он причинил тетушке вред! Что с того, что я съем пару сладостей?

Чэнь Гуйсян снова захотелось побить его, но стоило ей выпустить Чуйзи, как тот убежал, оставив бабушку во дворе трясти головой и вздыхать.

Свидание вслепую у Чжао Дунлина прошло не так уж гладко. Хотя он пообещал Чжан Цяо-эр найти мачеху двум своим детям, он ничего не мог поделать.

Он уже разводился, и лучше было бы не выбирать неподходящую женщину, которая, вступив в их дом, навела бы там кавардак.

— Кого именно ты хочешь?

Чжан Цяо-эр была зла, ей хотелось все бросить. Это не работало. Она правда не понимала, чего надо ее сыну.

Чжао Дунлин почему-то вспомнил Дон Цзяхуэй, которую повстречал в тот день в городе.

Она была бледна и слаба, а ее хмурый взгляд был жалок. Она развелась по вине своей свекрови, не могла родить своих детей, а у него и так было двое.

Он слышал, что характер у нее хороший, и что она отлично шьет. Такая женщина должна быть ориентирована на семью. Она казалась той, кому можно со спокойной душой вверить дом.